

Кайсын Рустем

9/III-85

«Долго я не мог взяться за перо. Боялся бесцветности слов. Так, наверное, человек боится впервые запеть при переполненном зале».

Это — слова Кайсына Кулиева. Я сердцем пережил эти его слова прежде чем взяться за перо, чтобы рассказать о нем. Был... Это значит, что нет его среди нас, среди живых. И не скажет он при встрече: «О, мой друг! Ты, как всегда, прекрасно выглядишь!». Или: «Смотрел твой фильм о Чегеме. Это превосходно!».

Тогда, на прощальном митинге, я стоял в стороне и почти ничего не слышал. Шел дождь. Было много людей. Очень много. Но я ничего не слышал. И не потому, что кто-то забыл (наверное, забыл) поставить микрофоны и подключить динамики. Я просто ничего не хотел слышать.

Я стоял без головного убора, и весенние дождочки сбегали по моему лицу, смешиваясь со слезами. Я стоял и «монтажировал» кадры из жизни Кайсына. Ведь она, наша жизнь, так же стремительна, как кинолента, заряженная в стрекочащий кино-проектор.

Вот он ладонью чегемскую воду зачерпнул и омывает лицо маленького внука... Вот водит меня по чегемской сакле в родном ауле, заброшенном высоко-высоко, к самому синему небу.

Я стоял тогда рядом с ним в сказке, выдуманной поэтом и природой: взметнувшись к облакам скалы, белизна снега на вершинах, орлы совсем низко над нами. Ветер шелестел засохшими травами на крыше сакли, где родился поэт.

— Когда мне трудно, я приезжаю сюда, чтобы обрести силы, а когда радостно, то для того, чтобы поделиться этой радостью с родными камнями.

Певец камня. Я не знаю другого поэта, который сумел бы так возвеличить, оживить камень, сделать его другом.

— Я многим обязан камню, — говорил Кайсын. — В горах он особый. Как ни странно, камень учит меня мыслить, учит сдержанности, оберегал от многословия в стихах. Теплый камень очага греет босые ноги ребенка, стены своего жилья горцы делают из камня, делают так же жернова мельниц. Косы, кинжалы, ножи точат на камне. И стреляли по оврагам мои земляки, лежа за камнем, и отыхали, сидя на камне, и раненые опирались на камень...

О, Кайсын! Я думал, что ты тоже каменный, а значит, вечный. Я верил, что с тобой никогда ничего не может случиться. Что ты будешь всегда.

Память... Она и как теплая шаль, согревающая ду-

шу, и безжалостная холодная рука, сжимающая горло так, что перехватывает дыхание. Моя память, как паутина в осеннем лесу. Вот выглянуло солнце на рассвете и осветило ее насквозь. А на ней, на этой паутине, капельки росы. Крупные, словно жемчужины. Сколько раз во встречах с Кайсыном находил я драгоценные, как жемчуг, истины великого закона человеческого общения. И, если ныряльщицы не всегда возвращаются из морских глубин с драгоценной ношей, то я всегда уходил от Кайсына, нагруженный сокровищами его доброты и мудрости.

... В гостинице «Москва» мы встретились в дни его юбилея.

— Короткое интервью для телевидения...

— Какой разговор! Пожалуйста... Но сперва скажи, как ты устроился? Есть гостиница?

Кайсын провел ладонью по гладко выбритой голове. Пауза длилась секунды.

— Камень... Это — символ, эмблема, герб моего творчества. Когда тебе тяжело, прижмись щекой к скале родного ущелья — снова будешь сильным...

Он взял сборник стихов и написал на обложке размазистым трудночитаемым почерком: «Великий русский поэт Тютчев сказал: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Я назвал свою книгу «Раненый камень», желая подчеркнуть этим твердость духа советских людей, победивших фа-

некоторые не привычным, он и остался в фильме.

Я не знаю, умел ли он быть злым и жестоким. Я всегда его знал добрым и мудрым. Мы встречались в разных местах, я приезжал к нему в Чегем. Говорили о разном.

— Огонь нужен людям не только для того, чтобы жарить шашлык! — сказал он как-то. — Огонь нужен человеческим душам.

Как-то я спросил о том, почему один из своих сборников стихов он назвал «Раненый камень».

Кайсын провел ладонью по гладко выбритой голове. Пауза длилась секунды.

— Камень... Это — символ, эмблема, герб моего творчества. Когда тебе тяжело, прижмись щекой к скале родного ущелья — снова будешь сильным...

Все шло здорово, но съемки пришлось прервать. Большая ветка бросала тень на лицо Кайсына. Подсветы не помогали, и мы решили срубить дерево. Все равно через час-другой его смыл бы Тerek.

— Что вы, ребята, жалко,

шизм. Мы погибли, но не сдавались».

Я снимал фильм о любви к земле. Съемки велись на Тerekе. Мы выбрали маленький островок посреди реки — клочок суши с десятком деревьев.

Шла большая вода. Островок заливало, и мы торопились. Кайсын радовался величию Тerekа, красоте близкого леса, белокрылым птицам в небе.

— Смотрите, Кайсын Шуваевич, а «ваше» дерево-то унесло, — заметил один из ассистентов.

— Понимаешь, дорогой, Тerek имеет на это право, а мы, люди, должны смотреть без злобы на мир, должны быть добрыми.

Вода прибывала. И мы спешили переправиться на берег. Вдвоем с Кайсыном мы плыли в надувной лодке. Поэт сидел, крепко впившись руками в борта лодки. Я греб (первый раз в жизни). Когда добрались до берега, Кайсын сказал:

— А я-то плавать не умею. Подбежали участники киногруппы.

— Страшно было? — спросил кто-то Кайсына Шуваевича.

— От судьбы не уйдешь, — ответил он тогда.

Сидя у изголовья, прико-

СЛОВО

О

ванных к постели недугом Кайсына, я услышал от него э

— От судьбы не уй

— Я хорошо пож

друг, — сказал он

из наших последних

— Что-то успел сде

то повидать... Толь

что вот так. Боль а

голова светлая. Раб

чется, да не могу.

Хорошо пожил...

Слава, награды,

Да! Признание и люб

люнов читателей?

была ли легкой жи

Бежала ли она во в

пространстве, как

ручи в его родных

Те, немногие, кто

дом с поэтом «в его

роковы», кто держ

руку на его горячем

всего стремительном

пульсе человека «с

в крови», те, навер

скажут нам когда

поэт любил снег на

и воду в родниках,

ставлял страдать же

будучи человеком

сам жестоко страдал

го; как страшился

лет, уже упавших ем

чи, и как мужество

стойкостью своего

героя — Прометей

Кабардино-Балкар правда, 1985, № 62.

СЛОВО

ним, он
ли он
им. Я
обрым и
нались в
лезжал к
или о

шизм. Мы погибали, но не
сдавались».

Я снимал фильм о любви
к земле. Съемки велись на
Тереке. Мы выбрали малень-
кий островок посреди реки
— клочок суши с десятком
деревьев.

Шла большая вода. Островок
заливало, и мы торопи-
лись. Кайсын радовался ве-
личию Терека, красоте близ-
кого леса, белокрылым пти-
цам в небе.

Смотрите, Кайсын Шу-
ваевич, а «ваше» дерево-то
унесло, — заметил один из
ассистентов.

Понимаешь, дорогой,
Терек имеет на это право,
а мы, люди, должны
смотреть без злобы на мир,
должны быть добрыми.

Вода прибывала. И мы спеш-
ши переправиться на бе-
рег. Вдвоем с Кайсыном мы
шлись в роль, пробовал уху,
добавлял соль, перец... Соб-
ственно, он уже не играл, он
забыл обо всем на свете...

— Какая уха! Замечатель-
но! Ты попробуй...

Все шло здорово, но съем-
ки пришлось прервать. Боль-
шая ветка бросала тень на
лицо Кайсына. Подсветы не
помогали, и мы решили сру-
бить дерево. Все равно через
час-другой его смыв бы Те-
рек.

— От судьбы не уйдешь,
— ответил он тогда.
Сидя у изголовья, при-
го

— взмолился Кайсын. — Не
надо рубить... Такое чудес-
ное дерево...

Пришлось оставить дере-
во. Срубили лишь несколько
ветвей.

Когда, отсняв эпизод, мы
начали переправляться на
берег к машинам, островок
уже почти затопило. Вода
унесла и то дерево.

Смотрите, Кайсын Шу-
ваевич, а «ваше» дерево-то
унесло, — заметил один из
ассистентов.

Понимаешь, дорогой,
Терек имеет на это право,
а мы, люди, должны
смотреть без злобы на мир,
должны быть добрыми.

Вода прибывала. И мы спеш-
ши переправиться на бе-
рег. Вдвоем с Кайсыном мы
шлись в роль, пробовал уху,
добавлял соль, перец... Соб-
ственно, он уже не играл, он
забыл обо всем на свете...

— А я-то плавать не умею.
Подбежали участники ки-
ногруппы.

— Страшно было? — спро-
сил кто-то Кайсына Шува-
евича.

— От судьбы не уйдешь,
— ответил он тогда.

Сидя у изголовья, при-
го

ОКАЙСЫН

ванных к постели тяжелым
недугом Кайсына, я еще раз
услышал от него эти слова:

— От судьбы не уйдешь.

— Я хорошо пожил, мой
друг, — сказал он в одну
из наших последних встреч.

— Что-то успел сделать, что-
то повидать... Только жаль,
что вот так. Боль адская, а
голова светлая. Работать хо-
чется, да не могу.

Хорошо пожил...
Слава, награды, почести?
Да! Признание и любовь мил-
лионов читателей? Тоже. Но
стихи и поэмы. Пусть это
еще и еще раз сделают лите-
ратуроведы. Я просто вспо-
минаю о человеке, которого
очень любил, люблю и буду
любить.

Те, немногие, кто был ря-
дом с поэтом «в его минуты
роковые», кто держал свою
руку на его горячем, чаще
всего стремительном пульсе,
пульсе человека «с солнцем
в крови», те, наверное, рас-
скажут нам когда-то, как
поэт любил снег на вершинах
и воду в родниках, как за-
ставлял страдать женщин, и
будучи человеком добрым,

сам жестоко страдал от это-
го; как страшился тяжести
лет, уже упавших ему на пле-
чи, и как мужественно, со

стойкостью своего любимо-
го героя — Прометея, боролся
с болезнью, которую так и
не смог победить.

«Раненый камень». Так
охарактеризует его в по-
смертной статье Мустай Ка-
йсын.

А потом он хотел стать
артистом и даже учился «на

артиста» в Москве в теат-
ральном институте имени Лу-
начарского. Хотел стать ар-
тистом, учился, но не стал.

Потому что судьбой ему
было уготовлено стать вели-
ким поэтом.

Да, он был раненым кам-
нем. Но каким! Какой вели-
чины был этот гигантский
камень Кавказа!

Я не хочу в этой статье
писать о поэзии Кайсына
Кулиева, анализировать его
стихи и поэмы. Пусть это
еще и еще раз сделают лите-
ратуроведы. Я просто вспо-
минаю о человеке, которого
очень любил, люблю и буду
любить.

Кайсын... Вот маленький
балкарский мальчик впер-
вые держит в руках книжку
с красивыми картинками —

букварь, подаренный ему
русским учителем. Вот он,
маленький ашуг, поет бал-
карские песни своим сверст-
никам в Верхнем Чегеме.
Словно кипчак, несется он
на необъезжем скакуне.

— Не было случая, чтобы
я упал с лошади. Меня про-
сил кто-то Кайсына Шува-
евича.

— От судьбы не уйдешь,
— ответил он тогда.

Сядя у изголовья, при-
го

— я упал с лошади. Меня про-
сил кто-то Кайсына Шува-
евича.

— Я хорошо пожил, мой
друг, — сказал он в одну
из наших последних встреч.

— Что-то успел сделать, что-
то повидать... Только жаль,
что вот так. Боль адская, а
голова светлая. Работать хо-
чется, да не могу.

Хорошо пожил...
Слава, награды, почести?
Да! Признание и любовь мил-
лионов читателей? Тоже. Но
стихи и поэмы. Пусть это
еще и еще раз сделают лите-
ратуроведы. Я просто вспо-
минаю о человеке, которого
очень любил, люблю и буду
любить.

Те, немногие, кто был ря-
дом с поэтом «в его минуты
роковые», кто держал свою
руку на его горячем, чаще
всего стремительном пульсе,
пульсе человека «с солнцем
в крови», те, наверное, рас-
скажут нам когда-то, как
поэт любил снег на вершинах
и воду в родниках, как за-
ставлял страдать женщин, и
будучи человеком добрым,

сам жестоко страдал от это-
го; как страшился тяжести
лет, уже упавших ему на пле-
чи, и как мужественно, со

стойкостью своего любимо-
го героя — Прометея, боролся
с болезнью, которую так и
не смог победить.

А потом он хотел стать
артистом и даже учился «на

А потом вдруг этот Чер-
ный конь... До чего же пре-
красен поэтический скакун!

Он был верным другом в
бою, привозил для отчаянных
джигитов «тонкостанных нев-
ест», не петлял, а мчался
прямою дорогой к заветной

цели. И вот:

Смерть поблажек не знает,
И, упав на бегу,

Черный конь умирает
На белом снегу.

— Я люблю ездить поездом.
Поэт не уставал повторять,
что Людям радость нужна.

Как весною деревьям
Шелест листьев, зеленое их
изобилье.

И он протягивал всем
«цветущую веточку алых». Наша
горы высоки. Но ведь не настолько же, чтобы за-
стенить горцев от остального
мира. Мы должны жить так,
чтобы каждый из нас
очень любил, люблю и буду
любить.

Помню, мы сидели втроем
до утра: Кайсын, Махмуд
Эсамбаев и я. Какой это был
вечер! Сколько историй, каж-
дая из которых могла бы
стать книжкой! Они говорили о
Киргизии. Говорили в такой
превосходной степени, что я
поехал посмотреть эту страну.
А как Кайсын сказал о Грузии:
ты — сердце Кавказа.

Его поэзия шла (а почему,
собственно, шла), его поэзия
идет «по грудь в снегах»,
«по грудь в песках». Слы-
шите, «играют Шопена» и
«возвлюбленные тянутся
женские руки»... Видите,
«женщина купается в реке»,
и «замирает солнце, и нету
зла», и «войн ни на одном
материке»...

опять пошел с разведчи-
ками за «языком».

Вспоминаю рассказ о том,
как И. С. Козловский с хо-
ром мальчиков поздравлял
поэта с юбилеем в Концерт-
ном зале имени Чайковского.

Словно вижу и сейчас его
лицо, на котором отразилась
боль, когда он рассказы-
вал, как в Монголии видел,
что «охотники» убили жу-
равушку. Долго летал над
убитой подругой журавль.

Журавль кричал, а потом сло-
жил крылья и упал на зем-
лю, чтобы умереть рядом.
Я видел Кайсына в часы
встреч, когда вино не ли-
лось рекой, а капало из сосу-
да дружбы благоворным нек-
таром. И видел его в кругу
чегемских косарей и пасту-
хов.

— Какими я вижу людей?
Наши горы высоки. Но ведь не настолько же, чтобы за-
стенить горцев от остального
мира. Мы должны жить так,
чтобы каждый из нас
очень любил, люблю и буду
любить.

Он грустно улыбнулся и
согласился. С каким трудом,
проголосил он о ком-то.

— Какой прекрасный дом
построили на проспекте! —
рассказал он в саду, где теперь по-
хоронен. Именно на этом ме-
сте и сняты последние кадры
с ним.

Жизнь коротка, а время
бесконечно.
«Прощай», — я говорю тебе
сердечно.
Я все равно тебя благодарю.

Воспоминания, воспоминания...

И усыпали с разведчи-
ками за «языком».

— Больше с тобой ходить
никуда не буду. Я так всех
друзей растерял.

Перед глазами стоит его
облик: большая круглая го-
лова, морщины на лбу и усы
горца. Мне кажется, такими
были древние философы Гре-
ции и Рима, хотя они, кажется,
усов не носили.

Я приезжал к нему —
больному. Мы все, его дру-
зья и близкие, чувствовали,
что конец близок. Не хотели
верить, надеялись на чудо,
но...

Однажды, это было по-
следней зимой, я попросил
Кайсына:

— Может, сделаем несколь-
ко снимков на память о зи-
ме?
Он грустно улыбнулся и
согласился. С каким трудом,
проголосил он о ком-то.
— Какой прекрасный дом
построили на проспекте! —
рассказал он в саду, где в гробе
нашой страны родился
балкарский мальчик Кайсын.
Я сидел один на камне, про-
голосил о ком-то, и думал о
жизни и смерти. А еще о
вечности.

Когда-то Кульев написал
о себе строки, которые бы
высказали на его память:
Я пахом и пеплом нестал —
Я племенем был остыл.

Вот и все. Затра, возможно,
когда-то скажет:

Читали о Кайсыне на
пиши статью?

Это не так. Я не писал ее.
Я прочитала эту статью, как
плакалиши из Чегема.

Скажи, Кайсын, не обессудь
Даекли к солнечному краю.
Сененый путь, пачальный путь
Гиц, сбирающих в саду?

И мы летим с тобою токе,
Терем перья на лету,
Согдами потому, бытъможе,
Труднее брать нам висту.

На другой день после по-
хорон Кайсына я уехал в
Чегем. Там в Эльбии, ю-
жной горнице, бегущей на-
стрему горной реке, я при-
шел в саду, где в гробе
нашой страны родился
балкарский мальчик Кайсын.

Я сидел один на камне, про-
голосил о ком-то, и думал о
жизни и смерти. А еще о
вечности.

Читали о Кайсыне на
пиши статью?

Владимир ВОСКОВ.